

А.Ф. Писемский

Ваал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.Ф. Писемский
А11 Ваал / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-3140-0

А. Ф. Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-4241-3140-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Ваал

Алексей Феофилактович Писемский
Ваал

Драма в четырех действиях.
И крадете, и убиваете,
и клянетесь лживо, и жрете Ваалу.
Иеремия, 7, 9.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бургмейер, Александр Григорьевич,
богатый коммерсант.

Клеопатра Сергеевна, жена его.

Мирович, Вячеслав Михайлович,
депутат от земства.

Куницын, Петр Федорович,
вольнопрактикующий адвокат.

Толоконников, Измаил Константинович,
техник-строитель.

Самахан, Авдей Игафраксович,
известный врач.

Руфин, Симха Рувимыч, еврей.

Евгения Николаевна Трехголовова,
молодая вдова.

Татьяна, кухарка.

Лакеи.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Роскошно убранный, огромный мужской кабинет; в нем
малахитовый камин с большим зеркалом; на стенах
подлинники Ван-Дик и Рубенс.

ЯВЛЕНИЕ I

Клеопатра Сергеевна и Евгения Николаевна; обе красивые
молодые женщины. Клеопатра Сергеевна, видимо, собиралась
куда-то ехать и была уже в шляпке; но, заинтересованная
словами своей подруги, приостановилась ненадолго и,
смотрясь будто бы в зеркало, слушает ее; а Евгения
Николаевна сидит в кресле.

Евгения Николаевна. Как тебе угодно, но в этом ты никого не уверишь.

Клеопатра Сергеевна (обертываясь к ней). В чем мне и кого уверять?

Евгения Николаевна. В том, что будто бы ты ничего не видела и не понимала,
что Мирович в тебя влюблен до безумия!

Клеопатра Сергеевна (покраснев несколько в лице). Я вовсе этого не говорю!..
Я очень хорошо это видела и понимала; но что ж из того?

Евгения Николаевна. А то, что неужели, по крайней мере, ты жалости не
чувствуешь к нему, или, лучше сказать, неужели тебе не совестно против него?

Клеопатра Сергеевна (с удивлением). Почему же мне может быть совестно
против него? Я с ним не кокетничала, я его не завлекала.

Евгения Николаевна (устремляя внимательно на приятельницу свои прони-
цательные глаза). Ты не кокетничала?.. Ты?.. Клеопаша!.. Ты можешь все гово-
рить, все, только не это!..

Клеопатра Сергеевна (несколько сконфуженная этими словами). Напротив, кажется, я очень смело могу говорить это.

Евгения Николаевна (прищуривая уже свои глаза и снова устремляя их на приятельницу). А эти прогулки на даче вдвоем?.. А эти игранья в табельку по целым вечерам? Какая страстная картежница вдруг сделалась!.. Это что же такое?

Клеопатра Сергеевна (еще более конфузясь). Вначале я действительно несколько неосторожно себя с ним держала; но мне просто было приятно его общество: он тут умней всех, собой красив, образованный, светский человек!.. Я полагала, что между нами может существовать дружба; но, разумеется, как только заметила, что в нем зарождается совершенно иное чувство ко мне, я спрятала все в своей душе и стала с ним в самые холодные, светские отношения.

Евгения Николаевна (с иронической улыбкой и пожимая плечами). И зачем ты это делала? Для кого и для чего?

Клеопатра Сергеевна (снова с удивлением). Как для кого и для чего? Неужели ты, Жени, этого не понимаешь?

Евгения Николаевна (опять пожимая плечами). Нет, не понимаю!

Клеопатра Сергеевна. Не понимаешь того, что я замужняя женщина, что я люблю моего мужа, что муж мой любит меня и что мне, по всему этому, было бы очень глупо, смешно и, наконец, нечестно позволить себе увлечься почти мальчиком, с которым у меня никогда не может быть ничего серьезного!

Евгения Николаевна (усмехаясь злою улыбкой). Во всех этих словах твоих, Клеопаша, что ни слово, то неправда. Ты говоришь: "любишь мужа". Так ли ты выразилась? Ты его уважаешь - это так! И он совершенно достоин того!..

Клеопатра Сергеевна. Но каким же образом ты знаешь мое чувство к мужу: любовь ли это, или одно уважение?

Евгения Николаевна. Таким, что тебе двадцать пять лет, а мужу твоему сорок пять лет; но, при такой разнице в годах, вряд ли женщине естественно питать к мужчине какую-нибудь особенно уж пламенную страсть, и у вас, я думаю, стремления даже совершенно разные: тебе, вероятно, иногда хочется поболтать, понежничать, поминдальничать, а почтеннейший Александр Григорыч, как я его ни уважаю, но совершенно убеждена, что он вовсе не склонен к этому.

Клеопатра Сергеевна. Что ж из того, что он не склонен к тому? Я вовсе его люблю не за это, а за то, что он меня любит!

Евгения Николаевна (с сильным ударением на первом слове). Н-ну, любит!

Клеопатра Сергеевна. Что это за восклицание: "ну"?

Евгения Николаевна. Восклицание, что мне один очень умный и пожилой господин, много живший на свете, говорил, что он не знал еще ни одного брака, в котором муж оставался бы верен своей жене долее пяти лет; а вы уж, кажется, женаты лет восемь.

Клеопатра Сергеевна (с некоторым негодованием). Нет, твой пожилой господин немножко ошибается: Александр мне верен и до сих пор!

Евгения Николаевна (пожимая плечами). Блажен, кто верует, тепло тому на свете! Господи, как мы иногда, женщины, в этом случае бываем слепы: муж мой, с которым я прожила всего три года, который, как сама ты видела, любил меня до безумия; но при всем том, когда он умер, я имела неудовольствие узнать, что

моя хорошенькая горничная была в некоторые минуты предметом его страсти.

Клеопатра Сергеевна. Но что, однако, Жени, ты хочешь всем этим сказать: что муж мой не любит меня и тоже изменяет мне?

Евгения Николаевна. Нисколько я не хочу этим ничего сказать, а так только мы рассуждаем вообще.

Клеопатра Сергеевна. Странные рассуждения! По любви твоей ко мне, я думаю, что если что-нибудь знаешь про мужа, так должна была бы не обиняками, а прямо и откровенно мне все сказать, - вот как бы я поступила в отношении тебя...

Евгения Николаевна. Но что же я могу сказать, когда я сама ничего не знаю?

Клеопатра Сергеевна. Тогда к чему же все эти разговоры, которые все-таки меня тревожат и которые ты вот уже несколько раз начинаешь?

Евгения Николаевна (порывисто вставая с кресла и с каким-то даже азартом). Я начинаю, потому что Минович меня просил об этом!

Клеопатра Сергеевна (снова с удивлением). С какой же стати Миновичу было просить тебя? И что за дружба такая между вами вдруг началась?

Евгения Николаевна. Не дружба, но помилуй: я почти каждый день видала его у вас, и не мудрено, что давно уже смеюсь ему насчет этого, а вот это как-то на днях встретила его на даче и выспросила у него все.

Клеопатра Сергеевна (недовольным и сконфуженным тоном). И что же он тебе рассказал?

Евгения Николаевна. Рассказал, что он делал тебе признание в любви, делал ведь?

Клеопатра Сергеевна (с волнением). Делал, к сожалению.

Евгения Николаевна. И что ты совершенно его отвергнула.

Клеопатра Сергеевна (как бы усмехаясь). Разумеется, конечно! Знаешь, Жени, какая это у тебя отвратительная привычка про всех все выведывать!

Евгения Николаевна. Почему же отвратительная? Напротив, очень приятно это.

Клеопатра Сергеевна. Только уж никак не для тех, про кого ты выведываешь.

Евгения Николаевна. Что же тем-то?

Клеопатра Сергеевна. То, что кому же приятно, чтобы его тайну, какая бы она пустая ни была, знали другие; тайна до тех пор только и тайна, пока ее никто не знает.

Евгения Николаевна. Что ж ты думаешь, я буду рассказывать, что мне говорил Минович?

Клеопатра Сергеевна. Очень вероятно, что и расскажешь: ни одна женщина в этом случае не поручится за себя, хоть тут и рассказывать особенно нечего.

Евгения Николаевна. Если бы даже и было что, так, будь уверена, все бы во мне умерло. Я никак уж не сплетница! Слыхала ли ты, чтобы я про кого бы то ни было говорила что-нибудь дурное?

Клеопатра Сергеевна. Говорить ты, может быть, не говоришь, но зато сама-то с собою очень много дурного думаешь о других и уж охотница всех и во всем подозревать!.. Отчего вот я нисколько не интересуюсь и никого не расспрашиваю: ухаживает ли кто за тобой или нет?.. Сама ты любишь ли кого?..

Евгения Николаевна (перебивая ее). Ах, пожалуйста, расспрашивайте и узнавайте! Я не рассержусь на это. Я вдова, а потому мне все позволительно. Я расспросила Мировича просто из жалости к нему, потому что последний раз, как я его видела, он был совершенно какой-то потерянный и в отчаянии теперь от мысли, что не рассердилась ли ты на него очень за его объяснение?

Клеопатра Сергеевна. Рассердиться я не рассердилась, а больше была бы довольна, если б он не делал мне его.

Евгения Николаевна. А бывать у вас в доме может ли он после этого?

Клеопатра Сергеевна (усмехаясь и вместе с тем краснея в лице). Конечно, я тоже бы больше желала, чтобы он не бывал у нас; но все-таки не считаю себя вправе запретить ему это.

Евгения Николаевна. Но мужу ты не говорила об этом объяснении?

Клеопатра Сергеевна. Зачем же я мужу стану говорить обо всяком вздоре?.. Только ты, пожалуйста, предупредь Мировича, что я буду с ним крайне осторожна и совершенно холодна.

Евгения Николаевна. О боже мой! Он ничего не надеется и ничего не ожидает! Ему бы хоть только молча и издали любоваться на свое жестокое божество!

Клеопатра Сергеевна (с притворной насмешкой). Может, если ему это не скучно, "любоваться издали на свое жестокое божество!.." (Начиная надевать перчатки.) Однако прощай!.. Мне пора ехать с визитами. Ты подождешь Александра Григорьича?

Евгения Николаевна. Да, мне нужно спросить его об одном моем деле.

Клеопатра Сергеевна (идет к дверям, но на полдороге приостанавливается и, грозя пальчиком, говорит подруге). А об муже мне, я тебя прошу, не вникай никогда никаких подозрений. Я мнительна и самолюбива!.. Я в отношении его сделаюсь совершенно иною женщиной, если он мне изменит.

Евгения Николаевна. Хорошо, хорошо, не стану.

Клеопатра Сергеевна. Прошу тебя, не делай этого!.. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ II

Евгения Николаевна (одна). "Изменит ей муж!.." Мне, я думаю, лучше других знать, как он тебе верен, хотя я тоже очень хорошо из разных мелочей замечаю, что он со мной сошелся так только, для шутки! Видит: женщина молодая, красивая; сама почти ему объяснилась в любви; отчего же с ней не сблизиться и не заплатить ей маленькую сумму денег за то? Но он тут только ошибается в одном: я вовсе не из таких глупеньких и смирных существ, чтобы любовью моею можно позабавиться и бросить меня потом, когда угодно... Я эту дурочку, супругу его, сведу с Мировичем... Она лжет!.. Она влюблена в него по уши, так что даже боится встречаться с ним, и только мужа притрухивает; но они сойдутся непременно... Бургмейера это, разумеется, взорвет; он сейчас же отстранит ее от себя, а я приду и сяду на ее место, - тогда Александр Григорьич и увидит, как со мной можно сблизиться только для шутки! Это, право, какая-то несправедливость судьбы: я с этой Клеопашей росла и училась вместе, всегда была лучше ее собой, умней, ловчее, практичнее, наконец, и вдруг она выходит за богача, за миллионера; а я принуждена была выйти за полусумасшедшего мальчика, который бог знает что мне насаждал о своем состоянии, а когда умер, то оказалось, что я нищая!.. Если уж так мало счастья и удач в жизни, то по крайней мере мушкетер своим надобно что-нибудь для себя сделать: мужчины хоть и вообра-

жают, что они умней нас, пронцательней, но уж насчет хитрости, извините: мы во сто раз их похитрее!.. Отчего это, однако, Александр Григорыч так мрачен последнее время?.. (Взглядывая в окно.) Вон он идет, - на что это похоже?.. Как будто бы к смерти приговоренный! Сегодня же я его спрошу.

ЯВЛЕНИЕ III

Входит Александр Григорьевич Бургмейер, уже с проседью мужчина, со взглядом несколько суровым, но вместе с тем и со смущенным. На худощавых пальцах его виднеются два три драгоценных кольца, на часовой цепочке и ключике тоже заметны драгоценные камни. Во всем костюме его чувствуется лондонский покррой.

Бургмейер (протягивая руку Евгении Николаевне). Здравствуйте, друг мой!.. Клеопатры Сергеевны, вероятно, дома нет?

Евгения Николаевна. Нет, она уехала с визитами и просила меня без нее уж подождать вас!

Бургмейер (ставя в сторону свою шляпу и палку). Не ревнива же она, видно!

Евгения Николаевна. О, нисколько! Она ничего даже не подозревает.

Оба садятся. Бургмейер сейчас же задумывается.

Евгения Николаевна (устремляя на него внимательный взор и каким-то ласковым и заползающим в душу голосом). Я, собственно, приехала к вам и дожидалась вас, чтобы передать вам мою радость, которую я переживала за вас во вчерашнем собрании ваших акционеров: это невероятно, какой восторг во всей публике был к вам!

Бургмейер (на минуту улыбнувшись). Да, криков много было!

Евгения Николаевна (тем же вкрадчивым голосом). Это больше даже, чем крики... Вон в театре кричат иногда и беснуются какой-нибудь певице или актеру; но тут были слезы благодарности к вам, молитвы за вас. Около меня один старичок сидел: он небогатый, должно быть, и если получит, по вашему обещанию, на свой капиталец тридцать процентов, так будет иметь возможность безбедно существовать с двумя внучатами своими. Он все время шептал: "Господин Бургмейер пенсию мне дает!.. Пенсию!" Вы сами тоже очень интересны были... Когда вы кончили читать отчет и вам все захлопали, вы встали этак, оперлись слегка на стол рукою и бледный этакий, взволнованный были!.. Вот именно как, бывши еще молоденькою девушкою, воображала себе всегда великих людей в минуты их торжества: когда какого-нибудь победителя встречает народ или оратору аплодируют после его речи, они всегда должны быть бледные немножко, взволнованные...

Бургмейер, весьма невнимательно прослушавший все эти слова и, видимо, под влиянием какой-то внутренней муки, встал, вышел на авансцену и отвернулся даже от Евгении Николаевны, которая, в свою очередь, посмотрела на него сначала с некоторым удивлением, а потом сама тоже встала и, как кошка, подойдя к Бургмейеру, положила ему обе руки на плечо.

Евгения Николаевна. Положим, вы вчера могли быть грустны и взволнованы, но зачем же эта печаль продолжается и сегодня?

Бургмейер (оборачиваясь к ней и стараясь ей приветливо улыбнуться). Да так уж!.. Не веселит что-то ничто!

Евгения Николаевна. Но, друг мой, что же может быть за причина тому? Вот уж несколько месяцев, как вы на себя непохожи! Отчего и чему вы можете печалиться? Вы миллионер!.. У вас прекрасная жена, которая вас любит и которую вы любите тоже; наконец, Александр, у тебя, как сам ты видишь, хорошенькая любовница, которая от тебя ничего не требует и просит только позволить ей любить тебя и быть с ней хоть немножко, немножко откровенным.

Бургмейер Скак бы вспрынув). Да, Жени, я и сам хочу тебе открыться. Я думал было Клеопатре Сергеевне рассказать, но зачем же еще ее рановременно тревожить? Притвори все двери и посмотри, чтобы кто не подслушал в соседних комнатах.

Евгения Николаевна (заглянув во все двери, притворив их и возвратившись к Бургмейеру). Там нет ни одной души человеческой.

Бургмейер (беря ее за руку и во весь свой монолог легонько, но нервно ударяя своею рукой по ее руке). Вот видишь, ты мне сейчас сказала: "Вы миллионер!.. Вы благодетель общества!.. Имя ваше благословляют!.. За вас молятся старцы и дети!.." Ну, так знай, Жени, что я не миллионер, а нищий и разоритель всего этого благословляющего меня общества!

Евгения Николаевна. Александр Григорьич, возможно ли это после того, чему вчера я сама была свидетельницей? Не пугает ли вас в этом случае ваше болезненным образом настроенное воображение?

Бургмейер (слегка, но грустно улыбаясь). Ха-ха-ха!.. Воображение! К несчастью-с, не в воображении моем это только происходит, а в действительности существует; впрочем, прежде всего надо дело сделать!.. (Подходит к своему письменному столу и, вынув из него довольно толстый пакет, подает его Евгению Николаевне.) Тут вот ваш маленький капитал, который вы мне доверили и который я нахожу теперь нужным, для пользы вашей, извлечь из моих дел; кроме того, прибавлена некоторая сумма от меня, - это вам на память обо мне за вашу дружбу.

Евгения Николаевна (испуганным голосом). Александр, ты, значит, совсем меня удалить от себя хочешь?

Бургмейер. Нет, Жени, нет!.. Пожалуйста, этого не думай: но мало ли что может случиться! Может быть, мне понадобится уехать вдруг за границу; наконец, я умереть могу неожиданно: в животе и смерти каждого человека бог волен.

Евгения Николаевна. Александр! Мне страшно уж начинает становиться от твоих слов... Как ты ни мало меня любишь, если даже совсем меня не уважаешь и не ценишь, но я тебя люблю, спокойствие твое дороже мне собственного!.. Я со слезами тебя прошу быть со мной откровенным!.. (На глазах ее в самом деле показываются слезы.)

Бургмейер. Сейчас, Жени, сейчас. Я все тебе расскажу откровенно... (Видимо, делает над собой усилие, чтобы начать рассказывать.) Последний подряд мой, что и ты, конечно, знаешь, есть одно из самых крупных моих предприятий: в нем заинтригованы состояния всех виденных тобою вчера акционеров и большая часть моего состояния. Через несколько дней будет прием этому подряду, но он далеко не исправно и совершенно нечестно даже сделан.

Евгения Николаевна. Александр Григорьич, я просто не верю словам вашим!.. Станете ли вы так делать!..

Бургмейер. Я и не делал прежде так, когда богат был, а теперь я нищий стал!..

Евгения Николаевна. Но куда же ваше состояние могло деваться?

Бургмейер. Все состояние мое, все почти деньги, которые следовали на этот подряд, у меня улетучились в прошлогодней игре моей на бирже, и весь этот подряд мой произведен на фу-фу, под замазку и краску, и то даже в долг!

Евгения Николаевна (сильно пораженная). Господи боже мой! Но зачем же вы это, Александр, играли на бирже?

Бургмейер. Зачем? Затем, что на землю сниспослан новый дьявол-соблазнитель! У человека тысячи, а он хочет сотни тысяч. У него сотни тысяч, а ему давай миллионы, десятки миллионов! Они тут, кажется, недалеко... перед глазами у него. Стоит только руку протянуть за ними, и нас в мире много таких прокаженных, в которых сидит этот дьявол и заставляет нас губить себя, семьи наши и миллионы других слепцов, вверивших нам свое состояние.

Евгения Николаевна. Но неужели же вам теперь никак и ничем нельзя поправить ваших дел?

Бургмейер. Совершенно возможно! Ничего не стоит!.. Через год же я мог бы сделаться вдвое богаче, чем был прежде... На днях вот мне должна быть выдана концессия, на которой я сразу мог бы нажать миллион, не говоря уже о том, что если я удержу мои павшие бумаги у себя, то они с течением времени должны непременно подняться до номинальной цены; таким образом весь мой проигрыш биржевой обратится в нуль, если еще не принесет мне барыша!.. Но дело все в том, что концессию эту утверждают за мной тогда только, когда не поколеблется мой кредит; а он останется твердым в таком лишь случае, если у меня примут последний подряд мой, но его-то именно и не принимают.

Евгения Николаевна. Но, друг мой, говорят, всегда можно подкупить принимающих лиц... Тут нужны только деньги, и вот возьмите для этого все эти мои деньги; кроме того, я попрошу у приятельниц моих денег для вас.

Бургмейер. Дело не в деньгах... Денег есть настолько, но в комиссии сидит человек, которого не купишь...

Евгения Николаевна. Кто это такой?

Бургмейер. Мирович, мальчишка, от земства приставленный!

Евгения Николаевна (переспрашивая и как бы не веря ушам своим). Мирович?

Бургмейер. Да.

Евгения Николаевна (начинает уже хохотать). Ха-ха-ха! Душенька, ангел мой, Александр Григорьич, вы каким-то ребенком мне теперь представляетесь! Неужели вы боитесь Мировича, одного только Мировича?

Бургмейер. Не его я боюсь, а протеста его и заявления. Пойми ты, что выйдет: это сейчас, разумеется, разгласится; акции нашего последнего дела шлепнутся с рубля на полтину. В правительственных сферах это увидят; концессии мне поэтому не выдадут, и я сразу подорван буду во всех делах моих.

Евгения Николаевна. Но Мирович не подаст, я думаю, никакого протеста.

Бургмейер. Однако ж он его подал. Это факт уже совершившийся.

Евгения Николаевна. Подал, потому что на него надобно было употребить

некоторое особое влияние... Неужели же, Александр Григорыч, вы не замечали, что Мирович без ума влюблен в вашу жену?

Бургмейер (весь вспыхивая при этом, нахмуриваясь и отворачиваясь от Евгении Николаевны). Это я видел отчасти; но какая же польза может проистечь от того?

Евгения Николаевна. А такая, что Клеопаша в этом случае может быть отличною ходатайницей. Он, конечно, не в состоянии ни в чем будет отказать ей.

Бургмейер. Но почему же он не в состоянии ей отказать? Между ними, надеюсь, существует только то, что Мирович влюблен в жену мою, но никак не больше!

Евгения Николаевна. Между ними существует... Только вы, пожалуйста, не выдайте меня, я вам говорю это по секрету... Существует то, что Мирович объяснился вашей жене в любви; она его совершенно отвергла, но это еще лучше, потому что, если теперь она хоть сколько-нибудь польстит его исканиям, так он, я не знаю, на что не готов будет решиться.

Бургмейер (продолжая оставаться нахмуренным и с явным раздражением в голосе). Все это прекрасно-с! Но как же все это осуществить?

Евгения Николаевна (как бы не поняв его). Что такое тут осуществлять?

Бургмейер (рассмеявшись уже какую-то злою усмешкой). Ну да сказать жене и просить, что ли, ее, чтоб она известным образом действовала?.. Вы на себя, надеюсь, не возьмете этого сделать?

Евгения Николаевна. Ах, друг мой, нет никакого сомнения, что я сейчас же была бы готова, но я наперед уверена, что не успею ничего тут сделать. По-моему, вам лучше всего самому переговорить об этом с Клеопашей, потому что, как она ни хитрит со мною, но я хорошо вижу, что она не совсем равнодушна к Мировичу, и если теперь осторожно держит себя с ним, так это просто из страха к вам: она боится, что вас очень этим огорчит и рассердит!.. Но когда вы ей намекнете этак легонько, то она, конечно, сейчас же поймет, что это не будет для вас таким уж страшным ударом.

Бургмейер (с судорожным смехом). Как уж не понять тогда! Главное, я-то при этом являюсь очень красив пред ней в нравственном отношении!

Евгения Николаевна. Что же вы-то тут? Я, конечно, не знаю; но судя по себе, то хоть я и не жена ваша, однако, чтобы помочь вам... будь в меня влюблен Мирович, я, не задумавшись, постаралась бы свернуть ему голову, закружить его окончательно...

Бургмейер (перебивая ее). То вы, а то жена моя.

Евгения Николаевна. Какая же разница?.. Неужели вы хотите этим сказать, что для меня все возможно, а жене вашей наоборот?

Бургмейер. О, подите, господь с вами!.. (Взглядывая в окно.) Карета жены, кажется, въехала во двор.

Евгения Николаевна (тоже взмахивая глазами в это окно). Да, это Клеопаша... Она, конечно, прямо пройдет к вам. Мне оставаться или лучше уехать?

Бургмейер. Уезжайте лучше.

Евгения Николаевна (сбираясь уходить, говорит Бургмейеру скороговоркой). Если вы только, друг мой, вздумаете вдруг уехать за границу, то Клеопаша, вероятно, не поедет с вами; но меня вы возьмите, я рабой, служанкой, но желаю быть при вас. Денег моих я тоже не возьму!.. (Кладет деньги на стол.) Они